

VERA FIGHER

1-1

[illegible]

Handwritten text in a cursive script, likely Arabic or Persian, covering the lower page. The text is arranged in several lines, with some words appearing to be in a different script or dialect. The handwriting is fluid and characteristic of historical manuscripts.

ВЕРА ФИГНЕР

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ**

ТОМ ПЕРВЫЙ

МОСКВА 1933

ВЕРА ФИГНЕР

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

ТОМ ПЕРВЫЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И СЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ**

Супер-обложка, переплет и форзац В. С. Резникова

Ответственный редактор
Б. П. Козьмин. Технический
редактор Ф. М. Тоцилин.
Сдано в производство 2/II
1933 г. Подписано к печати
8/IV 1933 г. Статформат
62×94 см. 22½ п.л. В печ. л.
40000 зн. Зак. изд. № 719.
З. т. № 5072. Уполномоченный
Главлита № В-42,883. Тираж
5100. Отпечатано в 1-й Об-
разцовой тип. Огиза РСФСР
треста «Полиграфкнига».
Москва, Валуевая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ
«ЗАПЕЧАТЛЕННОГО ТРУДА» (1921/22 г.)

В безрадостные дни бездействия меня утешала мысль, что есть общественное дело для меня — издание книги, которая запечатлела бы опыт той полосы революционного движения, в которой я принимала личное участие.

Теперь, после многих неудач и отсрочек, первая часть этой книги выходит, наконец, в свет.

Сердцевину ее составляет период 1876—1883 гг., когда последовательно и в преемственной связи действовали две организации: тайное общество «Земля и Воля» и партия «Народная Воля», представляющие, после опыта «хождения в народ», дальнейшие стадии эволюции нашего революционного движения.

Перебирая имена землевольцев и народовольцев, находящихся в живых, я не встречаю никого, кто прошел бы чрез весь этот период: каждому недостает того или другого звена или некоторых годов которого-нибудь из них. В этом отношении мое положение исключительное: в 1876 году я участвовала в выработке программы «народников», которая легла в основу деятельности революционных сил, объединившихся в тайное общество «Земля и Воля». С другой стороны, я была последним членом Исполнительного Комитета «Народной Воли», арестованным в 1883 году, когда из инициаторов и основоположников этой партии, входивших в Комитет, на свободе в России не оставалось уж никого.

Кому же, как не мне, худо ли, хорошо ли, проследить в рамках личного участия и переживания путь, которым шли мои товарищи, отдавшие революционному движению свою жизнь?

Едва я вышла из Шлиссельбургской крепости, как друзья и знакомые, в особенности основатель журнала «Былое» — В. Л. Бур-

цев, стали настаивать, чтобы я писала. Но я не была в состоянии заняться этим в то время.

Выход на свободу после 22 лет заточения был великим переломом в жизни: потрясение охватывало и физическую, и духовную сторону организма. Нервы, привыкшие к тишине, одиночеству и однообразию обстановки, не могли справиться с наплывом новых впечатлений. Не говоря о явлениях и встречах более или менее ярких и внезапных, даже самые обыденные, нормально ускользающие от внимания людей свободных, вызвали у меня реакцию до болезненности сильную: они раздражали и мучили меня.

Приходилось перевоспитывать себя и медленно приспособляться к обстановке и условиям, которые за двадцатилетие стали непривычными и, по своей непривычности, тревожными; а в области духовной мучительно стоять перед категорическими и от шумихи жизни совершенно оголенными вопросами: как жить? чем жить? зачем жить?..

Не буду останавливаться на этой послетюремной психологии. Во второй части книги, в главе «С горстью золота», о моем тогдашнем настроении сказано достаточно.

Не обращать взор назад — смотреть надо было в настоящее, и в нем искать свое место в жизни. И я смотрела, искала. Одна из попыток войти в жизнь, приладиться к ней описана в той же главе второй части; о двух других, быть может, напишу потом¹.

Попытки кончились неудачей. В 1913 году я осталась перед пустотой: не было у меня ни работы революционной, ни деятельности общепольной — ничего.

Тогда я обратилась к работе, о которой напоминали друзья и давно думала я сама. Я начала писать.

В то время я жила за границей, и условия для работы сложились самые благоприятные: уют уединенного жилища на полугоре у Женевского озера; неподвижная красота вековых гор, темнеющих на горизонте; изменчивая роскошь вечерних красок над озерным небом; одиночество и тишина, рождающие духовную сосредоточенность, в которой легко прислушаться к голосам прошлого.

Начав с очерка развития моей личности до 1872 года, когда я поступила в Цюрихский университет и познакомилась впервые

¹ Они описаны в III томе этого издания («После Шлиссельбурга»).

с западно-европейским рабочим движением и с учением социалистов, я описала первый революционный кружок, в который вступила за границей, а потом оставление университета, отъезд в Россию и участие в качестве активного члена в деятельности русской социалистической партии вплоть до образования в 1879 г. «Народной Воли». Тут я остановилась: что-то мешало мне говорить о «Народной Воле», об «Исполнительном Комитете» и выступлениях его в борьбе с самодержавием. Я не могла сразу найти язык, которым надо было говорить об этом ярком периоде нашего прошлого. Теперь мне кажется, что препятствием, быть может, был размах, который приняло революционное движение за время моего отсутствия из жизни; выступление на политическую арену рабочих масс слепило меня: историческая перспектива мешала говорить языком участника и очевидца.

На время пришлось оставить эту тему, и я сразу перешла к эпилогу деятельности «Исполнительного Комитета» — к Шлиссельбургу, а в нем взяла некоторые моменты, психологическая сторона которых не была затронута или была мало освещена товарищами, писавшими до меня (Волкенштейн, Панкратов, Новорусский, Ашенбреннер). Европейская война прервала эту работу: я не хотела оставаться вне пределов России во время этой бойни и в феврале 1915 года отправилась через балканские государства на родину, но не взяла с собой рукописей: я боялась, что они пропадут, если на границе меня арестуют.

Действительно, несмотря на заверения, сделанные тогдашним министром внутренних дел Маклаковым моему брату Николаю, что я не подвергнусь никаким неприятностям, в Унгени меня арестовали и препроводили в Петербург, в охранку. Дело ограничилось, однако, тем, что после допроса и десятидневного пребывания в Выборгской тюрьме меня прикрепили на жительство в Нижнем Новгороде и отдали под надзор полиции.

Возьми я рукописи с собой, брату, пожалуй, удалось бы выручить их из рук департамента полиции. Случилось худшее: вот уже шесть лет — я все еще не могу получить их из-за границы. Фактически весь сделанный труд для меня пропал, и для теперешнего издания я должна была написать все наново.

В одном мне посчастливилось: после Февральской революции 1917 года раскрылись тайники департамента полиции и архивы су-

дебных учреждений. Среди различных документов неутомимый деятель по историческим раскопкам Бурцев нашел и показания, написанные мною в 1883 году, после ареста.

В тот момент 1883 года я была в совершенно особом положении и настроении. Жизнь кончалась: наша деятельность была такова, что ни я, ни кто другой из ближайших товарищей моих не могли думать, что когда-либо выйдем из тюрьмы. Мы должны были умереть в ней. А взволнованная душа была полна живых откликов только что конченной борьбы, и громко звучало идеалистическое чувство по отношению к товарищам, которые сошли со сцены.

Для жизни, для современности мы умирали, но ведь было будущее для тех, кто пойдет за нами, и для них хотелось запечатлеть свои чувства, сохранить след нашей жизни, наших стремлений, побед и поражений. И для этого будущего в тиши Петропавловской крепости я написала свои показания.

Я могла говорить свободно. Фактическая сторона деятельности «Исполнительного Комитета» была известна: она происходила на глазах у всех, и с 1879 года перед лицом суда прошел целый ряд политических процессов: более 70 человек членов партии «Народной Воли» — и в том числе весь цвет «Исполнительного Комитета» — были отправлены на каторгу, на поселение и на эшафот. Но я довела рассказ только до события 1 марта 1881 года. О дальнейшем, по условиям времени, я не могла и не хотела говорить.

Прошло 34 года со времени написания этих показаний, и когда Бурцев доставил мне копию с них, я почувствовала глубокое удовлетворение — мне не пришлось жалеть, что они написаны. Я была рада, что они сохранились: они так верно отражали мое отношение к революционному делу, так полно выражали мои чувства не только в прошлом, но и 34 года спустя, что в них, в этих показаниях, я нашла как раз тот язык, который не давался мне для описания «Народной Воли» в 1913—1914 гг.; с этим документом в руках я могла приступить к продолжению работы, которую прервала тогда. В этой работе, сохраняя в точности текст показаний, я широко воспользовалась ими везде, где было возможно; но там, где изложение было слишком кратко, я ввела необходимые дополнения, некоторые характеристики и целые главы, которые по

условиям 1883 года не могли войти в рассказ, а затем продолжила его до моего ареста, заключения в Петропавловскую крепость и вручения обвинительного акта, которым вместе с другими членами партии я предавалась Петербургскому военно-окружному суду.

Будь заграничные рукописи в России — у меня было бы совершенно обработанное, готовое к печати, целое. Но их не было, а условия печатания из года в год становились все хуже и хуже. Надо было спешить, и, чтоб не откладывать дела на неопределенно долгое время, пришлось все автобиографическое начало, оставленное в Швейцарии, написать вторично, и притом многое сократить, некоторые главы опустить совсем, а для описания студенческих годов ограничиться беглыми страницами показаний. Вследствие всего этого теперешнее издание¹ выходит в более сокращенном виде, чем оно предполагалось семь лет тому назад.

Что же касается второй части, заключающей Шлиссельбург, то время выхода ее будет зависеть как от общих условий печатания в России, так и от того, когда мои заграничные рукописи попадут, наконец, в Россию². Я уже говорила, что главные моменты нашего заточения в крепости я описала, находясь в Швейцарии; и то, что удалось воскресить, вновь пережить и воплотить в соответствующую форму в благоприятных условиях маленького городка Швейцарской республики, не может быть воспроизведено теперь, когда нет ни необходимого настроения, ни обстановки, сколько-нибудь подходящей для этого³.

Вера Фигнер.

¹ Как и все последующие. (Прим. 1933 г.)

² Из-за границы их вынул и доставил мне Леонид Борисович Красин в 1922 г.

³ Благодаря рукописям, доставленным Л. Б. Красиным, переработав некоторые главы, написав некоторые новые, я могла уже в мае 1922 г. сдать в печать 2-ю часть «Запечатленного труда», описывающую жизнь в Шлиссельбурге. (Прим. 1933 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание включает в себе первые три тома полного собрания моих произведений: «Запечатленный труд» (два тома) и том III «После Шлиссельбурга».

Таким образом в него не входят ни мои сношения с внешним миром во время заключения (тюремная переписка с родными), ни мое окружение в крепости («Шлиссельбургские узники»), ни отражение моих настроений, поскольку они выражены в стихотворениях, написанных в Шлиссельбурге.

Я присоединяю к этому изданию предисловие, написанное к первому изданию «Запечатленного труда» 1921/22 г. Оно характеризует настроение, в котором в 1913 году я решила приступить к последовательному написанию воспоминаний о революционном прошлом моего времени; рисует благоприятные условия для этого; говорит о внутренних затруднениях при воскрешении прошлого и о препятствиях внешних, благодаря которым от написания отдельных глав еще в 1910 году прошло 11—12 лет до опубликования двух первых томов моих мемуаров.

6/III 1933 г.

Вера Фигнер.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Семья

Я родилась 7 июля нов. ст. 1852 года в Казанской губернии в дворянской семье, имущественно довольно хорошо обставленной. Мать моя, Екатерина Христофоровна, получила обычное в ее время домашнее воспитание и была дочерью тетюшского уездного судьи Куприянова, который за свою жизнь успел растратить большое состояние. Имея более 6000 десятин земли в Уфимской губернии, кроме того, что он имел в Тетюшском уезде, он оставил после смерти свои дела в таком беспорядке, что наследники сочли за лучшее отказаться от этого наследства, так как сумма долгов дедушки не могла быть определена.

Мой отец, Николай Александрович Фигнер, воспитывался в Корпусе Лесничих и по окончании курса служил лесничим сначала в Мамадышском уезде, потом в Тетюшском, а после освобождения крестьян вышел в отставку, чтобы стать мировым посредником, и оставался им вплоть до упразднения этой должности¹.

В семье, кроме двух мальчиков, рано умерших, нас было шестеро. Как отец, так и моя мать были люди очень энергичные, деятельные и работоспособные; крепкие физически, они отличались и волевым темпераментом. В этом отношении они передали нам хорошее наследие: я — старшая — принимала участие в революционном движении в один из самых ярких периодов

¹ Родство моего отца с известным партизаном 1812 г., Александром Самойловичем Фигнером, есть ни на чем не основанная легенда. Документы, сохранившиеся в нашей семье, свидетельствуют, что моим дедом с отцовской стороны был Александр Александрович Фигнер, дворянин, выходец из Лифляндии, в чине подполковника приписанный в 1828 г. к дворянству Казанской губернии.